

От Барбароссы до «Барбароссы» – далее везде?

Ужасное был знамение он,
Ряд страшных бед с ним предвещала встреча,
Начало долгих, горестных времен...
Проклятье ж вам, поддельные друзья,
Что языком клялись служить свободе,
Внутри сердец измену ей тая!

А.К. Толстой.

В сегодняшней РФ 22 июня – День памяти и скорби. Пусть хотя бы так. Ожидать от нынешних правителей признания его Днем борьбы против угрозы возрождения нацизма и фашизма – все равно, что, по испанской поговорке, «просить груш у вяза».

Гитлеровский «третий рейх» выбрал этот день для главного преступления, совершенного совместно с фашистами большинства стран Европы при соучастии реакционеров всего империалистического мира, – покушения на будущее человечества. Ибо именно будущее воплощал тогда Союз Советских Социалистических Республик не только для своих народов, но и для коммунистов, сознательных пролетариев всех капиталистических стран, для антиколониальных движений Азии и Африки, антиимпериалистов Латинской Америки, всех передовых людей планеты.

В общем, понятно, почему нацистские бонзы остановили свой выбор на дне летнего солнцестояния. Резоны утилитарного порядка (окончание на севере Восточноевропейской равнины весенней распутицы, завершение военных действий на Балканах) при всей важности не могли определить дату агрессии с точностью до дня. На первый план выходили мотивы ритуально-идеологические. 22 июня – один из главных праздников Солнца у всех языческих народов. Нацисты, как известно, стремились возродить ритуалы древних германцев, воспринимая свои деяния как кровавую жертву богам-губителям. Главный символ нацизма – «обратная» свастика – согласно древним мифологиям не просто солярный знак, а знак движения Солнца, обратного дневному: от заката к восходу по подземному миру, царству богов смерти. А третья декада июня в восприятии древних как раз и открывала период старения и умирания Солнца, в противоположность зимнему солнцестоянию, праздновавшемуся как его новое рождение.

Не последнюю роль в выборе даты агрессии сыграла и более близкая история. День 24 июня (традиционно относимый еще к летнему солнцестоянию, так как древние замечали уменьшение дня не раньше 25-го) выбрал для начала вторжения в Россию Наполеон. Значительную часть его «Великой армии» составляли пруссаки, австрийцы и подданные других германских государств. Не без оснований считая нашествие на Россию «двунадесяти языков» одним из этапов многовекового «Дрангах Остен», нацисты явно подражали императору французов и в то же время хотели его опередить во всех аспектах, даже календарном, дабы продемонстрировать превосходство «арийской расы».

Вызывая призрак Наполеона, они рассчитывали также повысить популярность своей авантюры среди поклонников императора, все еще многочисленных во Франции и в других странах.

Вместе с тем преступление против народов, действительно затмившее наполеоновские и все прочие, волею своих зачинщиков оказалось накрепко связано с другим историческим именем, взятым из другой эпохи. И тут возникает вопрос, ответить на который не так-то просто. Почему нацисты, истово и даже суеверно чтившие мистическую символику, выбрали для кодового названия агрессии, самой грандиозной и рискованной (участь Наполеона говорила за себя), имя, по их же логике не предвещавшее им ничего хорошего?

Для немцев, да и для всех европейцев, латинское имя-прозвище Барбаросса (Рыжебородый) неразрывно с личностью Фридриха I Гогенштауфена, императора Священной Римской империи (1152–1190) – «первого рейха» германских шовинистов. Фигура в самом деле почти эпическая: император был огромного роста, богатырского сложения, славился рыцарскими доблестями и необычайным для тех времен долголетием – прожил 67 лет, еще и напоследок отправившись в крестовый поход. Вполне вписывалась в образ и рыжая борода, магически ассоциировавшаяся с пламенем и/или Солнцем. Но, главное, из всей династии Барбаросса был самым могущественным. Фридрих I претендовал не только на владычество над всей тогдашней Германией (включая нынешние Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Словению) и другими частями империи: Италией, Чехией, половиной позднейшей Франции (Лотарингией, Бургундией и Провансом), – но и на сюзеренитет над всеми монархами Европы, коих считал имперскими вассалами. Возрождая традицию царей-жрецов языческой древности, он объявил Священной империю саму по себе, а не по папскому благословию. В последующие века, омраченные унижительной раздробленностью Германии, образ Фридриха Барбароссы слился в сознании немецкого народа с древнейшими мифологическими персонажами. Согласно легендам, император спит вековым сном в глубокой пещере, но однажды, в конце времен, пробудится и освободит народ от бед. Конечно, нацистская пропаганда и тенденциозная «наука» не могли пройти мимо столь колоритной фигуры, хотя им никак не могло импонировать, что имя «Фридрих» принимали предводители народных восстаний, трактуя его как «царь мира» не в смысле мирового господства, а в смысле прекращения губительных для народа войн.

Но меньше всего Фридрих Барбаросса подходил для обозначения плана агрессии против славян. С ними он, как и другие Гогенштауфены, никогда не воевал. Вся его жизнь прошла в борьбе с итальянскими городами и папством, олицетворяя именно то, от чего Гитлер отрекся еще в «Майн кампф», – «тысячелетнее движение германцев на юг и запад Европы». В те годы если кто и отличился по части «Дранг нах Остен», то не император, а его враг – Генрих Лев из династии Вельфов. Единственный поход Фридриха I в восточном направлении был нацелен не на славянские земли, а на Ближний Восток, будучи частью III крестового похода. Причем, так и не добравшись до Святой земли, Барбаросса окончил дни в Малой Азии – вроде бы утонул, переправляясь через небольшую речку (внезапно упал в воду без чувств или уже мертвым – скорее всего, на жаре, в тяжелых доспехах, со стариком случился инфаркт или инсульт). Немецкое войско, боготворившее императора и пораженное ужасом от его внезапной смерти, буквально рассыпалось, частью вымерев от эпидемии, частью перейдя к сарацинам и приняв ислам (!), и лишь меньшей частью добравшись до родины. Современники не могли не воспринять гибель Барбароссы и его войска как грозное предзнаменование не только для третьего похода – от такого удара не оправилось и все крестоносное движение.

Казалось бы, нацистские бонзы, подыскивая название своему плану, должны были бежать от имени «Барбаросса» как черт от ладана. Почему же они поступили иначе?

Конечно, еще древние говорили: «Кого боги хотят наказать, того они лишают разума». И все же: не оглушаем ли мы сильного и опасного врага, приписывая ему такую степень алогичности? Не умаляем ли тем самым подвиг наших предков? Не ставим ли под удар и себя, ибо ленинская мысль – те, кто заслуживает имени политического деятеля, с физической смертью не умирают для политики – относится не только к нашим подлинным вождям и героям, но и к *настоящим* врагам. Подумаем: не было ли в исторической действительности чего-то такого, что должно было остановить выбор авторов преступного плана на имени Барбароссы?

Где и над кем Фридрих I одержал самую впечатляющую, особенно в нацистском восприятии, победу? В 1162 году после двухлетней (!) осады император принудил к сдаче главный из вольных городов Северной Италии – Милан. Над городом, посмевающим бросить вызов его господству, он учинил расправу, сравнимую лишь с теми, что устраивали в далекой древности ассирийцы и римляне, а впоследствии – Чингисхан и Тимур. Немецкие рыцари играли вместо мячей головами миланцев. Имперский суд постановил стереть Милан с лица земли и даже перепахать место, на котором он стоял, а уцелевших жителей расселить по деревням, обратив в лично зависимых крестьян. Действительно, очень похоже на судьбу, уготованную «третьим рейхом» народам покоренных стран, особенно нашей. Причем устроена была эта расправа руками не столько немцев, сколько самих же итальянцев – граждан соперничавших с Миланом городов, принявших сторону императора. Именно так, по принципу «разделяй и властвуй», и нацисты намеревались властвовать на развалинах СССР.

Правда, победа императора оказалась пирровой – жестокость Рыжебородого объединила против него всю Италию. Теперь уже союзные города совместно отстроили Милан и в 1174 г. нанесли Барбароссе поражение при Леньяно. Во избежание полной катастрофы ему пришлось преклониться перед папой Римским, пройдя свою Каноссу ровно через сто лет после той, первой. Не зная этого Гитлер и его присные, разумеется, не могли. Может, имя Барбароссы питало в них иллюзорную надежду выпутаться подобно ему даже из крупной неудачи, но как минимум испепелить дотла Революцию (ведь и Фридрих I начал с выдачи папе на сожжение вождя Римской республики Арнольда Брешианского)?

То, что название плана войны грубо попирало национальную гордость итальянцев, не стесняло ни нацистов, ни главного их союзника Муссолини. Будучи, вопреки распространенной легенде, не националистами, а расистами, нацисты и фашисты всех стран относились (и относятся) к подлинно патриотическим традициям с плохо скрытой враждебностью, ожидая от «элит» послушного включения в наднациональную общность «высшей расы», а от всех прочих – рабского служения ей. Милан, исстари мятежный, в дальнейшем революционный, в последние десятилетия пролетарский, никак не мог вызывать симпатии у дуче и его чернорубашечников. Так же и нацистов едва ли волновало, что Фридрих Барбаросса больше чем кто-либо другой обрек Германию на века раздробленности, разделив огромные владения Генриха Льва, потенциального объединителя страны и союзника итальянских горожан, на множество феодальных княжеств. Шовинистическая историография и уж подавно геббельсовская пропаганда давно отучили подданных рейха замечать в истории подобные детали.

Была и еще одна причина, привлекавшая внимание авторов нацистского плана к имени Барбароссы, – на мой взгляд, психологически главная. Она буквально бросается в глаза. Когда мысль о ней впервые пришла в голову, мной овладело недоумение: как можно было так долго не замечать очевидного?

Ведь известно, что нынешний Московский Кремль был спроектирован и возведен при Иване III итальянскими зодчими **по образцу замка Сфорца, известнейшего крепостного сооружения Милана**. Не ясно ли, что в названии гитлеровского плана почти открытым текстом выражена маниакальная идея фюрера – стереть Москву с лица земли подобно тому, как поступил Барбаросса с Миланом?

Впрочем, дело не в простом сходстве крепостных сооружений двух городов. Думаю, не случайно первый государь всея Руси пригласил для строительства Кремля мастеров именно из Милана. Этот город воспринимался как один из символов централизованной национальной власти: миланские герцоги Висконти, чьими наследниками считали себя Сфорца, ближе всех в истории средневековой Италии подошли к ее объединению. В то же время Милан, разрушенный и воскресший, зримо воплощал бессмертие правого дела, а в атмосфере предреформационной Европы должен был отождествляться чуть ли не с самим Спасителем. И, конечно, этот город олицетворял победу над германско-римской империей. Опясавшие его стены красного цвета наглядно выражали идею суверенитета страны, не подвластной претендентам на мировое господство. Красный – древнейший цвет жизни, а в средневековой геральдике – цвет регальный, подобавший только императорам и независимым от них королям; мог он означать и суверенитет народа, вручившего власть своим вождям в лице первых Висконти, а позже – кондотьеров из плебейского рода Сфорца. Во всех смыслах Милан являл собою именно то, что требовалось Ивану III и его стране.

После объединения почти всех русских земель Московским государством потенциальную угрозу ему могла представлять только «Священная Римская империя германской нации». Два последних слова, прибавившиеся к титулу именно в конце XV века, не изменили характера лоскутной империи, враждебной возникновению национальных государств, в том числе и немецкого. Но в этой реакционнейшей форме нашел выражение ближайший интерес поднимавшегося немецкого капитала, прежде всего северогерманского союза городов – Ганзы: монополизировать торговые пути и замкнуть на себя складывавшееся международное разделение труда. Для народов Центральной и Восточной Европы это означало «второе издание крепостничества» и пресечение национальной консолидации в зародыше. Модель будущего, им уготованного, демонстрировали колонии Ливонского ордена в Прибалтике. Действуя в интересах новой знати и торгового капитала Германии, императорская династия Габсбургов объявила Ливонию своим леном, постепенно привязывала к себе Польско-Литовское государство и новгородское боярство, не пропускала на Русь ученых и мастеров из европейских стран. Эта фактическая блокада, позже названная «восточным барьером», послужила одной из главных причин отставания Руси от Западной и Центральной Европы. Но Московской Руси, единственной на востоке Европы, удалось отстоять независимость. Подчинив Новгород, Иван III закрыл там контору Ганзейского союза (почти одновременно Генрих VII Тюдор закрыл такую же в Лондоне), а на берегу пограничной реки, против ливонской Нарвы, основал крепость Ивангород. Так мог ли он оставить стольный град белокаменным, подобавшим хоть и великому князю, но еще ордынскому вассалу? Краснокирпичный Кремль, уподобленный Миланской крепости, зримо выражал силу и достоинство новой державы.

Но, как обычно и бывает в истории, провести избранную линию до конца не удалось. Новые стены Кремля еще строились, когда Милан пал первой жертвой Итальянских войн. Назревала уния Священной Римской империи и Испанского королевства, озаренного зловещим пламенем костров «святой» инквизиции. Иван III попытался при опоре на «нестяжателей» осуществить нечто вроде монаршей Реформации, но потерпел поражение. Его враг Иосиф Волоцкий, отстаивая право церкви стяжать земли с крепостными и сжигать еретиков, прямо ссылаясь на опыт испанской инквизиции. Когда жизнь Ивана III уже угасала, Габсбурги приступили к подчинению Испании. Законная королева Хуана была объявлена Безумной и пожизненно заточена в замке, владельцы которого разом вошли в

круг вельмож. Трон королевы-узницы достался ее сыну Карлосу I, внуку императора Максимилиана Габсбурга, вскоре за щедрую мзду избранному германскими курфюрстами на престол империи. Уния понадобилась господствующим классам обеих стран для приведения народов к покорности: Германию в те годы охватили Реформация и Крестьянская война, Испанию – восстание горожан-комунерос. Тень Италии XII века накрыла Европу XVI-го. Как Фридрих Барбаросса, уничтожая Милан, нашел подручных в соседних городах, так и Карл V, расправляясь с комунерос, получил опору в городе с германским, по иронии судьбы, названием – Бургосе. В XX веке этот же город стал центром франкистского мятежа, поддержанного международным фашизмом. И Франко, и Муссолини, и Гитлер выражали восхищение империей Карла V, «в которой никогда не заходило Солнце», видя в ней прообраз своих планов мирового господства нацизма и фашизма.

По-своему закономерно, что во времена Карла V, как бы реинкарнации Фридриха Барбароссы, на исторической арене появился еще один Барбаросса. Прославился он под мусульманским именем Хайраддин, хотя был, как и многие из его воинства, принявшим ислам европейским авантюристом. Заклятый враг империи Габсбургов, вассал османского султана, он вместе с братом Оруджем нанес тяжелое поражение войскам Карла V. Основанное ими в Алжире государство пиратов и работорговцев несколько веков наводило ужас на европейских моряков и жителей прибрежных селений от Италии до Исландии. В этом свете небезынтересно и прозвище основателя корсарского Алжира. Цвет украшения мужского лица в данном случае не мог быть отличительным признаком – на Востоке седеющие бороды издавна, в силу все тех же магических представлений, красили рыжей хной, как и хвост царского коня в военном походе. Не отождествлялся ли в сознании европейцев грозный предводитель корсаров с ожившим Барбароссой Первым?

Предположение, что и Хайраддин мог явиться одним из «предков» гитлеровского плана, на первый взгляд выглядит фантастическим, особенно на фоне «крестоносных» антимусульманских легенд, занимающих «почетное» место в арсенале фашиствующих ультра. Но история свидетельствует, что такого рода легенды – большей частью камуфляж, скрывающий иную реальность. В Италии и Германии были давние традиции «особых отношений» с исламом, начиная по меньшей мере с привлечения сарацинских наемников христианнейшим папой Григорием VII для отвоевания Рима у «еретика» Генриха IV (муллам сарацин было даже позволено пропеть суры Корана в соборе Святого Петра). Гогенштауфены, начиная с Фридриха Барбароссы, широко привлекали сарацин в чиновничий аппарат и войско. Мечтая о деспотической империи без сословных и городских вольностей, они усматривали в арабском правлении Испанией и Сицилией желаемый образец. Впоследствии эту политику Гогенштауфенов («мир, дружба с исламом») превозносил Ф. Ницше, весьма почитаемый в нацистских и фашистских кругах.

Прусско-германский «Дранг нах Остен» с давних пор сопровождался дружбой с другим угнетателем славянских народов – Османской империей. Османскую артиллерию, одну из лучших в Европе, из века в век помогали создавать и совершенствовать зарубежные специалисты; перед взятием в 1453 г. Константинополя предложение даже превосходило спрос, так что султан Мехмед II устроил конкурс, который выиграл «мастер Георг из Пруссии». В отношениях Габсбургов с Хайраддином Барбароссой и его наследниками тоже были не только войны, но и негласное сотрудничество, по испанскому выражению времен Реконквисты, «в делах и войнах как с христианами, так и с сарацинами». А уже в начале XX века многочисленный корпус военных и гражданских советников кайзеровской Германии контролировал все управление дряхлевшей Османской империей, где были отработаны многие аспекты будущей нацистской теории и практики – и геноцид целых народов (на безнаказанное истребление армян особо ссылался Гитлер), и «медицинские опыты» над русскими военнопленными, и многое другое. Позже турецкий президент И. Иненю, обязанный существованием своей страны и

собственной жизнью помощи советских союзников в 20-е годы, в переписке с Гитлером убеждал истребить как минимум половину славян.

Не менее показательны, что франкистский мятеж в июле 1936 г. начался и получил максимальную поддержку в Испанском Марокко. Главную ударную силу «националистов», горячо поддержанных католической церковью, составляли переброшенные в Испанию на германских и итальянских кораблях мусульмане-мавры, вековые враги испанцев-христиан. Франко даже считал нужным демонстративно направить свою «дикую дивизию» в астурийский городок Ковадонга, где в VIII веке атакой горцев на мавританский отряд началась испанская Реконкиста.

Перед Второй мировой войной и на ее начальном этапе нацистская Германия снискала огромную популярность у националистов и клерикалов большинства исламских стран, видевших в ней противовес как британским колонизаторам, так и влиянию СССР и местных коммунистов. Пытаясь избежать войны на два фронта, «третий рейх» и его союзники встали перед стратегическим выбором. Либо отложить нападение на СССР до полного разгрома Британской империи, что при ее господстве на море предполагало прорыв на Ближний Восток для совместного с Японией сокрушения колониального могущества Лондона и нейтрализации Вашингтона. Либо, наоборот, отложить наступление на Британию и ее колонии, чтобы сначала покончить с СССР, а затем попытаться найти общий язык с Лондоном и Вашингтоном. Японский империализм после ряда колебаний склонился к первому пути; план «Барбаросса» означал выбор нацистской Германией второго, больше отвечавшего коренным классовым интересам монополистического капитала.

В этом свете кодовое название плана представляется вполне адекватным. На мистическом языке нацизма гибель Фридриха Барбароссы по пути на Ближний Восток, равно как и неудача Карла V в борьбе с Хайрадином Барбароссой, означали «табу» на ближневосточный приоритет экспансии и тем самым подтверждали тезис «Майн кампф» о завоевании «жизненного пространства» в Восточной Европе. Ради этого предполагался, в духе Ницше, союз с «исламом», прежде всего Турцией, и поиск компромисса с англосаксонским Западом, вероятно, при посредстве Ватикана («третья Каносса»?). В данную ориентацию вполне вписывалось отмежевание от претензий режима дуче, обрекаемого ею на скорую утрату африканских колоний, не говоря уж о грезах на тему *Mare Nostrum*, и низведение Италии до роли сателлита рейха, что также заложено в названии гитлеровского плана.

Примерно таков спектр исторических взаимосвязей, открывающихся при прикосновении к зловещему имени Барбаросса. В русской литературе есть поразительное произведение, силой художественной и исторической интуиции предвосхитившее за много десятилетий надвигающуюся грозу и даже ее укорененное в прошлом имя. Это – последняя, предсмертная, поэма А. К. Толстого «Дракон» (1875). Под впечатлением франко-прусской войны и трагедии Парижской Коммуны поэт прозорливо предсказал, чем грозит образование в центре Европы агрессивного «второго рейха». Эту угрозу он выразил в образе чудовищного дракона, некогда окаменевшего, но пробудившегося от векового сна – как Барбаросса в легенде – из-за легкомысленного броска камнем. Лишь после запоздалого прозрения герои поэмы понимают, что дракон – «кесаря свирепого предтеча» (для героев, а возможно и для автора, имя кесаря во избежание нового пробуждения табуировано, но кто имеется в виду, совершенно ясно). Рассказчик и его друзья слышат от участника трагедии страстное проклятие тем, «чьи уста, из злобы ко своим, призвали в край германского дракона». Но тут же, едва выйдя из собора на площадь, они смешиваются с толпой, «обычные там ведшей разговоры». Поэт не очень надеялся быть услышанным, но для прощального предупреждения живым выделил из долгого ряда германских агрессий именно нашествие Барбароссы на Милан.

Постижение глубин исторической памяти помогает и нам лучше понять день сегодняшний. Десятки лет и в Советском Союзе, и в левых и буржуазно-либеральных кругах «западных демократий» было принято обходить «мины» истории, в свое время задействованные фашизмом и нацизмом. Теперь очевидно, что такая политика была, вежливо выражаясь, страусиной (хотя представление, будто страусы в минуту опасности прячут голову в песок, не более чем легенда – просто они, как и другие пернатые, принимают песочные ванны, но лишь когда поблизости нет врагов, иначе давно бы перевелись). Иммунитет от яда фашизма и нацизма создается только глубоким знанием истории, а не боязливым уклонением от него.

Перевоплощение Барбароссы в «Барбароссу» закономерно завершилось тем, что нацистские знамена были брошены к подножию Мавзолея В.И. Ленина у Кремлевской стены. Только осознав все необъятное историческое значение этой святыни (на языке геральдики – инсигнии) нашей Родины, можно до конца понять, почему именно там лежат основатель и герои Советской страны, пылает вечный огонь у могилы Неизвестного Солдата и покоится священная земля Городов-Героев. Можно вернее представить и неизбежные последствия любого посягательства на святыню. Кто бы и как бы ни относился к Октябрю 1917-го, к личности В.И. Ленина и его товарищей, уже более 70 лет Мавзолей и Кремлевская стена олицетворяют Победу над нацизмом и фашизмом. Разрушение главной антифашистской инсигнии, кто бы и чем бы это ни мотивировал, объективно означало бы реабилитацию нацизма и фашизма со всеми вытекающими отсюда последствиями для гражданского мира в РФ и ее международного статуса как правопреемницы СССР. Если кто-то пытается об этом забыть – жизнь напоминает.

В канун нынешнего 22 июня запылал Рижский замок. Нам, конечно, будут доказывать, что причины пожара сугубо естественные. Немногие сопоставят события хотя бы за последние недели и дни. В Латвии, в Европе, в мире.

Испанский суд приговорил к ликвидации памятник Интербригадам. В Германии затеяли «символический» снос памятника Тельману. В городе на Неве агитируют за перенос памятной стелы «Город-герой Ленинград», чтобы освободить место для памятника Александру III «Миротворцу». Совпадение? Такое же, как дата переворота в Парагвае, некогда самом надежном укрытии беглых нацистов, – 22 июня прошлого года?

На выборах местных органов власти в Латвии, в том числе Риге, добился крупного успеха блок левых во главе с Социалистической партией, выступающий против вступления страны в зону евро. В сети Wikileaks появилась конфиденциальная переписка посла США в Риге насчет опасности «дестабилизации» в случае такого результата выборов. Парламент Латвии принял закон о запрете коммунистической и нацистской символики, тем самым приравняв их друг к другу. Президент заранее, «по случаю ремонта», покинул резиденцию в замке и перебрался в «Дом Черноголовых», где в предвоенной Латвии помещалась штаб-квартира фашистской организации айзсаргов. Это тоже случайные совпадения?

Нам будут говорить, что ассоциации с поджогом рейхстага или, скажем, взрывом «башен-близнецов» – плод больного воображения или продукт пропаганды. И уж точно ни при чем прошедшая накануне встреча «восьмерки», скандал с электронным шпионажем западных спецслужб, тайные даже от парламентариев переговоры о создании «зоны свободной торговли» Европы и Северной Америки, небывало жестокая расправа с участниками протестов во Франкфурте-на-Майне, клубы слезоточивого газа на улицах городов от Турции до Бразилии.

Пусть себе говорят. А мы будем думать и делать выводы. Будем бдительны.